

Н.Н. Аблажей
А.С. Жанбосинова*

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ НА НОВОЙ РОДИНЕ: АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С. Военнопленные Первой мировой на новой родине: адаптационные практики // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 22–35.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>

N.N. Ablazhey
A.S. Zhanbossinova*

PRISONERS OF THE FIRST WORLD WAR IN A NEW HOMELAND: THE PRACTICES OF ADAPTATION**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2

How to cite:
Ablazhey N.N., Zhanbossinova A.S. Prisoners of the First World War in a New Homeland: The Practices of Adaptation // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 22–35. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>]

Abstract. The article examines the adaptation practices of former prisoners of war of the First World War, who remained permanently in Russia/USSR and ended up on the territory of modern Kazakhstan. The study is based on the materials of archival and investigative cases of the period of the Great Terror (1937–1938), deposited in the archives of Kazakhstan. The historical excursion introduces the problems of the history of captivity, gives an idea of the number and location of prisoners of war in Turkestan and the Steppe region, the ethnic and national composition of the contingent, the migration mobility of prisoners of war and their participation in the civil war in Russia. The Soviet repatriation and option policy of the first half of the 1920s and the specifics of the return migration of prisoners of war and refugees from the Central Asian and Ural-Siberian regions are analyzed. The problems of adaptation and integration of prisoners of war are studied through the analysis of Soviet legislation regarding foreigners in the sphere of naturalization and integration, as well as the practices of its application. The dynamics of national and civil status, migration and social mobility, and marriageability are shown. Personal documents, including materials of correspondence with foreign addressees (relatives and friends), provide personal, economic and political arguments both in support of departure and the desire to remain permanently in the USSR. It is established that captivity for former prisoners of war became not only a trauma, but also a social marker, securing for them the status of “the former”, which ultimately made them marginal in Soviet society.

Keywords: prisoners of war of the First World War, adaptation, international marriages, repression, Kazakhstan.

The article has been received by the editor on 10.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: ablazhey@academ.org

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: ablazhey@academ.org

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Albina Sovetovna Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

** Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта AP23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему «Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.». This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (AP23485356).

Аннотация. В статье рассматриваются адаптационные практики бывших военнопленных Первой мировой войны, оставшихся на постоянное жительство в России/СССР и оказавшихся на территории современного Казахстана. Исследование построено на материалах архивно-следственных дел периода Большого террора (1937–1938 гг.), отложившихся в архивах Казахстана. Исторический экскурс вводит в проблематику истории плена, дает представление о численности и дислокации военнопленных в Туркестане и Степном крае, этническом и национальном составе контингента, миграционной мобильности военнопленных и участии их в гражданской войне в России. Анализируется советская репатриационная и оптационная политика первой половины 1920-х гг. и специфика возвратной миграции военнопленных и беженцев из центрально-азиатских и урало-сибирских регионов. Проблемы адаптации и интеграции военнопленных исследуются через анализ советского законодательства в отношении иностранцев в сфере натурализации и интеграции, а также практик его применения. Показана динамика национально-гражданского статуса, миграционной и социальной мобильности, брачности. На документах личного характера, в том числе на материалах переписки с зарубежными адресатами (родственниками и друзьями), приводятся личные, экономические и политические аргументы в поддержку как отъезда, так и желания остаться на постоянное жительство в ССР. Установлено, что плен для бывших военнопленных стал не только травмой, но и социальным маркером, закрепившим за ними статус «бывших», что в итоге сделало их маргиналами в советском обществе.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны, адаптация, натурализация, брачность, репрессии, Казахстан.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Политические катаклизмы – революция и гражданская война – сделали военнопленных Первой мировой не просто наблюдателями, но и активными участниками целого ряда исторических событий в России и СССР. Иностранцы подданные, не по своей воле попавшие на территорию чужой страны, неоднократно оказывались в ситуации выбора и самоидентификации в условиях стремительно менявшейся ситуации. Например, для тех, кто решил не возвращаться, стояла задача интегрироваться. Насколько успешными оказались выбранные ими стратегии и приняло ли их общество и политический режим? Удалось ли им стать полноценными новыми гражданами или они пополнили категорию маргиналов и «бывших»?

Проблематика плена широко отражена в историографии. В плане изучения истории иностранных военнопленных Первой мировой войны, оказавшихся на территории Российской империи, отметим, что перед нами не стояла задача подробного освещения этой темы в историографии, так как это нашло отражение в работах Н.В. Суржиковой¹. Специалисты выделяют несколько этапов в истории плена, обозначая его хронологические рамки 1914–1922 гг. В рамках нашего исследования особый интерес представляют исследования, посвященные репатриации военнопленных и перемещенных лиц: работы Р. Нахтигаль², Г. Лейденгера, В. Моритц³, Ю. Фельштинского⁴, а также Б.К. Дулатова⁵, Ю.Н. Арзамаскина⁶,

¹ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 30–91; Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции (1914–1922). М., 2014.

² Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156; Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.

³ Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003.

⁴ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. М., 1991.

⁵ Дулатов Б.К. Вопросы репатриации бывших граждан Австро-Венгерской империи в 1920-е годы // Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations. 2019. Vol. 24, № 5. С. 148–161.

Е.В. Кодина⁷ и др. При изучении плена доминирует этническая и социальная проблематика с четко обозначившимся трендом на антропологический анализ. Для российской историографии особенно характерна линия на «этнизацию» плена, тенденция к размежеванию узников войны на славян и неславян с последующей констатацией наличия «славянского вопроса». Активно обсуждается также проблема дефицита статистической информации о возвратной миграции по итогам Первой мировой войны. Весьма востребованы региональные аспекты изучения плена в плане изучения как размещения, трудоустройства и адаптации к принимающему обществу, так и участия в российской гражданской войне. История иностранных военнопленных в географических рамках современного Казахстана получила фрагментарное отражение в работах Т.И. Дорошенко⁸, Г.М. Мендикуловой⁹, Е.Б. Сыдыкова¹⁰.

Ввиду того, что хронологически рамки большинства исследований ограничены периодом 1914–1922 гг. (максимум первой половиной 1920-х гг.), что совпадает с классическим адаптационным периодом в условиях вынужденной миграции, темы социализации, натурализации, правового статуса, ограничительной и дискриминационной политики по отношению к бывшим военнопленным в СССР остались вне поля зрения исследователей. При наличии большого массива работ о политических репрессиях в СССР сюжет о военнопленных Первой мировой на периферии остался за рамками внимания исследователей. Отметим лишь статью В.П. Мотревича¹¹, который попытался на материалах следственных дел реконструировать судьбы оставшихся в Советской России немцев-военнопленных, в том числе показать, что они стали жертвами политических репрессий.

Цель данной статьи – выявление адаптационных практик бывших военнопленных Первой мировой войны, оставшихся на постоянное жительство в России/СССР и оказавшихся на территории Казахстана. Исследование построено преимущественно на материалах 92 архивно-следственных дел 1937–1938 гг., отложившихся в архивах Казахстана. Следственные дела военнопленных содержат учетные анкеты, а также личные документы, приобщенные к делам как вещественные доказательства, что позволяет получить информацию биографического характера. Хронологически исследование охватывает период 1914–1939 гг. В административном отношении территория современного Казахстана в позднимперский период входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства – Сырдарьинская и Семиреченская области, Западно-Сибирского генерал-губернаторства – Акмолинская¹² и Семипалатинская губернии, а также в состав Оренбургской губернии – Уральская и Тургайская области. В августе 1920 г. была образована Киргизская (Казакская) советская автономная социалистическая республика, входившая в состав РСФСР, в июне 1925 г. переименованная в Казакскую АССР. В 1936 г. статус автономии был повышен до союзной республики.

⁶ Арзамаскин Ю. Заложники первой мировой: из истории репатриации иностранных военнопленных // Военный академический журнал. 2014. № 2. С. 59–64.

⁷ Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. № 11 (1). С. 72–88; Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1921 гг. // Вопросы истории. 2022. № 12 (4). С. 162–180.

⁸ Дорошенко Б.К. Положение военнопленных в Туркестане в годы Первой мировой войны // Вестник науки и образования. 2021. № 10-1 (113). С. 20–28.

⁹ Мендикулова Г., Надежук Г. Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (Case study) // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 996–1008.

¹⁰ Сыдыков Е.Б., Айтмагамбетов Д.Р., Жанбосинова А.С., Сайлаубай Е.Е. Повседневность военнопленных Первой мировой войны в условиях Азиатской России // Вульг Годи. 2022. № 17 (1). С. 503–514.

¹¹ Мотревич В.П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных Первой мировой войны (по материалам архивно-следственных дел гааосо) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 3. С. 83–91.

¹² Особо отметим, что большая часть области с административным центром г. Омске в административно-географическом отношении относилась к Сибири.

Пленные и военнопленные-интернационалисты в Русском Туркестане и Сибири.

Численность военнопленных центральных держав в России составила на конец 1915 г. около 1 млн чел., а к октябрю 1917 г. выросла до 2,4 млн. Основные потоки пленных дали военные операции на территории Галиции в августе-сентябре 1914 г. и Брусилловский прорыв 1916 г. Первые пленные в Семиречье и Степном крае появились осенью 1914 г. Численность пленных резко колебалась вследствие их массовой миграции, обусловленной неоднократной переброской по территории страны. Что касается казахских земель, то часть пленных прошла через регион транзитом, оказавшись в итоге в Средней Азии, другие в 1915 г. были передислоцированы обратно в Европейскую Россию и Сибирь. Одновременно наблюдался встречный поток из Центральной и Восточной Сибири. Военнопленных размещали в лагерях Омского, Туркестанского и Закаспийского военных округов, частично располагавшихся на территории современного Казахстана. Зафиксированная численность военнопленных в местах постоянного водворения во внутренних округах России на 1 января 1916 г. составила: в Туркестанском военном округе – 80 025 чел., в Омском военном округе – 67 768 чел., из которых в интересующем нас регионе – около 12 250 чел. Структура размещения по территории Казахстана на начало 1916 г. была следующей: Форт-Александровский (совр. Актау) – 501 чел., Верный – 498 чел., Туркестан – 481, Черняев (совр. Шымкент) – 4 545 чел., Аулие-Ата (совр. Тараз) – 4 360, Кокчетав – 286, Акмолинск – 140, Атбасар – 14, Усть-Каменогорск – 1 267, г. Уральск – 167 чел.¹³ Годом раньше, в конце февраля 1915 г., только в Семипалатинской области находилось 7,5 тыс. пленных, при этом все они проживали в городах¹⁴. Для размещения использовали любые подходящие помещения барачного типа и квартиры. Наибольшая плотность размещения военнопленных зафиксирована в Семиречье и Рудном Алтае.

Военнопленные в Казахстане были заняты преимущественно в дорожном строительстве. Ими построена Риддерская горнозаводская железная дорога, а также гравийные дороги в Пишкентском и Верненском уездах Туркестана, известная Австрийская (Староавстрийская) дорога в Восточном Казахстане. Частично они были заняты в сельском хозяйстве, что позволяло обеспечивать их продовольствием.

Большую группу перемещенных лиц составляли беженцы разных национальностей, в том числе поляки, польские евреи, немцы. Массовое прибытие беженцев во внутренние губернии Российской империи началось в июле-августе 1915 г. и в целом завершилось к концу того же года. Официально зафиксированная максимальная численность беженцев в Средней Азии в 1916 г. оценивается источниками в 112 тыс., в Сибири – более 78 тыс.¹⁵ (к сожалению, привести статистические данные о численности беженцев, оказавшихся на территории собственно Казахстана, пока невозможно).

Еще до начала военных действий в Российской империи начались аресты и высылки подданных Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. Депортировали обычно мужчин призывного возраста следующих национальностей – немцев, австрийцев, венгров, поляков и евреев. Исключение делалось для чехов, сербов и русинов, с которых бралась подписка о лояльности.

В Казахстане численно абсолютно доминировали военнопленные австро-венгерской армии, за исключением трех десятков пленных из состава германских сил, оказавшихся в Уральске. В общероссийской статистике вслед за поляками по численности шли чехи, словаки и русины. Акмолинская (с учетом сибирской территории. – *Авт.*) и Семипалатинская области стали принимающими регионами для пленных славянской национальности. Согласно данным на начало 1915 г., в этих областях суммарно находилось 33,4 тыс. чел., доля славян среди военнопленных достигала соответственно в первой почти 68 % (17,6 тыс. чел.) и во второй – 90 % (6,7 тыс. чел.)¹⁶.

¹³ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции... 2015. С. 554–556.

¹⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 115.

¹⁵ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 113.

С началом войны польские земли оказались в центре военных действий. Польши как самостоятельного государства на тот момент не существовало, однако Австро-Венгрия и Германия проводили мобилизацию подданных-поляков. Большинство попали на «польский фронт» уже в конце лета 1914 г. в ходе массовой мобилизации в польские легионы, но уже осенью многие оказались в российском плену. Их численность оценивается в 100 тыс. чел., что составляло на тот момент около 10 % пленных¹⁷. Суммарно сербы, хорваты и словенцы превышали численность пленных поляков. Среди военнопленных было немало и тех, кто идентифицировал себя как украинцы и белорусы¹⁸. Анализ этничности по материалам выявленных нами 92 архивно-следственных дел военнопленных позволяет утверждать, что поляками себя идентифицировали 17 чел., в том числе как «австрийские» поляки – половина и зних. География российского плена у поляков весьма широка. Например, австрийский поляк П. Строминский, плененный в ходе повторной осады русскими крепости Перемышль в 1915 г., прошел через лагеря под Курском, Воронежем, Тамбовом, отсюда был переведен в Петропавловск, а после ослабления режима перебрался в Усть-Каменогорск¹⁹. Среди других когорт лиц славянской национальности доминируют русины, есть также украинцы, белорусы, чехи, болгары и боснийцы. Все русины – уроженцы Восточной Галиции.

Изначально пленных немцев, венгров, евреев и турок предполагалось размещать в лагерях отдаленных военных округов – Иркутского и Приморского, однако существенная их часть оказалась в Казахстане. Согласно общероссийской статистике, австрийцы, немцы и венгры суммарно составляли примерно половину от всех пленных²⁰, что же касается Казахстана, то здесь на начало 1915 г. доля венгров составляла в Акмолинской области – 21 %, а в Семипалатинской – только 4 %. Итальянцы и уроженцы Эльзас-Лотарингии (в основном французы) – 10,7 и 13,8 % соответственно²¹. Отметим, что среди выявленных нами 92 дел военнопленных суммарно их доля даже выше: доминируют венгры, таковых оказалось 26 чел., что больше, чем немцев (15 чел.) и австрийцев (14 чел.). Почти 2/3 военнопленных венгров идентифицировали себя как «мадьяры». В целом в российском плену оказалось почти 734 тыс. венгров (19 % от призванных).

Лагерные эпопеи мадьяр, немцев и австрийцев во многом сходны. Есть немало свидетельств, что первоначально их размещали в Сибири и Средней Азии, но в 1915–1917 гг. перевели в район Рудного Алтая. Например, австрийский немец И. Гандзлик попал в плен в октябре 1914 г. и был направлен первоначально в лагерь близ Читы, а в 1915 г. с большой группой военнопленных переведен в Риддер²². Немец Г. Лиц был мобилизован в первые дни оккупации Бельгии, получил ранение и повторно отправлен на фронт в начале 1915 г. В ноябре 1915 г. под Забалином попал в плен и был направлен в лагерь под Красноярском, где, по его воспоминаниям, находилось около 20 тыс. военнопленных, преимущественно австрийцев и мадьяр, которые были заняты на строительстве железной дороги. В 1917 г. с группой военнопленных его переводят в Усть-Каменогорск²³. За счет военнопленных доля немцев в регионе, безусловно, выросла, но доминировали по-прежнему немецкие колонисты, численность которых перед войной составляла около 64 тыс. чел.²⁴ Венгр Ф. Ронай сообщил, что «попал в плен под Перемышлем... был направлен в г. Самарканд в Среднюю Азию, где пробыл четыре месяца в концентрационном лагере, далее в числе других военнопленных эшелонам был направлен в г. Харьков. В 1917 г. направлен в Омск, где пробыл около месяца,

¹⁷ *Островский Л.К.* Польские военнопленные в Сибири (1904–1920) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 88.

¹⁸ *Сенявская Е.С.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Сер.: История. 2009. № 4. С. 111–127.

¹⁹ Специальный Государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1329. Л. 28.

²⁰ *Сенявская Е.С.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне... С. 111–127.

²¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 113.

²² СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1452. Л. 5, 12.

²³ Там ж. 1457. Л. 8.

²⁴ *Цадт В.* Переселенческое движение немецкого крестьянства в Казахстане // Восточный архив. 2022. № 2 (46). С. 82.

оттуда в Томск, где был четыре месяца, и затем направили в Семипалатинск в принудительном порядке...»²⁵.

Что касается военнопленных еврейской национальности, то чаще всего они идентифицировали себя как польские и галицийские евреи. Мобилизовывали их чаще в польскую армию. Военнопленные евреи в основном оказались на Урале и в Сибири: так, в партии из 377 австрийских военнопленных, прибывших в Семиречье в конце июля 1915 г., оказался 141 еврей.²⁶ В условиях войны фактическое расселение евреев, как иностранных, так и российских подданных, было довольно сложно контролировать. В 1915 г. для них введена льгота по расселению в городах, а в марте 1917 г. окончательно упразднена «черта оседлости». В итоге иноподданных – евреев, особенно из числа интернированных гражданских лиц, в Казахстане оказалось достаточно много. Например, С. Кестенблат в начале войны был демобилизован по ранению, повторно призван в армию в 1915 г., а в 1916 г. попал в плен и оказался на Урале. «При занятии Екатеринбурга армией Колчака меня и ряд других военнопленных направили в лагеря, находившиеся в Каменоломнике около Екатеринбурга. За уход из лагеря подвергали взысканию – 1 месяц ареста. При отступлении армии Колчака нас, военнопленных, вывезли в Тюмень, где я ушел из эшелона, но был пойман и отправлен с остальными вглубь Сибири. Около Ялуторовска мне удалось сбежать, дождавшись прихода Красной армии, вернулся в Екатеринбург»²⁷. Анализ архивного дела показал, что после нескольких лет скитаний по стране Кестенблат оказался в Казахстане.

Военнопленные принимали участие в гражданской войне как на стороне белых, так и красных. Самым крупным иностранным формированием, оказавшим большое влияние на ход гражданской войны в России, стал 40-тысячный Чехословацкий корпус, сформированный из пленных чехов и словаков, бывших военнослужащих австро-венгерской армии, согласившихся воевать против Австрии и Германии. Антисоветские правительства рассматривали славянских военнопленных как союзников в борьбе с советской властью, тогда как для немцев и мадьяр лагерный режим содержания был сохранен. Советское правительство в попытке экспорта революции сделало ставку на немцев и австро-венгров, декларируя освобождение военнопленных от тюремно-лагерного режима и отмену всех видов принудительных работ. Кроме того, им разрешалось создавать национальные революционные организации. Идеологическое воздействие и материальные трудности заставили многих военнопленных вступить в Красную армию. По подсчетам Ю. Фельштинского, в годы гражданской войны на стороне большевиков сражалось примерно 20 тыс. иностранцев, в основном из числа бывших военнопленных²⁸.

История немца Альберта Томаша весьма показательна в плане анализа статуса пленного и выбора стороны противостояния: «...в чешской армии я не служил, она состояла из военнопленных чехов, поляков, я попал в Колчаковскую армию. Тот, кто не хотел идти добровольцем в чешскую армию, того отправляли в концлагерь обратно»²⁹. Австрийский военнопленный румын Иван Майкан оказался в Казахстане в 1918 г., его с группой военнопленных в 250 чел. перевели из пермского лагеря для работы на Сергиопольском тракте (между Верным и Семипалатинском). Вскоре его мобилизовали в отряд сибирского атамана Б.В. Анненкова, который в тот момент дислоцировался в Киргизской степи³⁰. Участие пленных в борьбе против советской власти каралось большевиками. Так, пленный Ф. Ронай по приговору коллегии Семипалатинского губернского ЧК от 23 марта 1920 г. был приговорен к «заключению в концлагерь до конца гражданской войны»³¹.

²⁵ СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2649. Л. 11.

²⁶ ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 534. Л. 439.

²⁷ СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2896. Л. 15.

²⁸ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. С. 80.

²⁹ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Л. 12.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 3612. Л. 8.

³¹ Там же. Д. 2649. Л. 68, 98.

В ходе мобилизации пленных в Красную армию в Туркестане весной 1919 г. удалось набрать 2 тыс. чел., в том числе 320 чел., преимущественно венгров, в форте Александровском и г. Черняев³². Интернационалисты приняли участие в боях против белых в 1919 г. за Оренбург, Тургай, Актюбинск. Например, венгерский военнопленный С. Бетлин в автобиографии сообщал: «из Ходжента был мобилизован в 1919 г. в Красную армию и отправлен на Актюбинский фронт, после этого переброшен на Копальский фронт в Семиречье и остался в Жаркенте»³³. Мадьяр Шайдур Комуни находился в Омском концлагере, где и вступил вместе с другими венграми добровольцем в Красную армию. Впоследствии он вспоминал: «В одном из боевых столкновений с солдатами в момент чехословацкого мятежа в г. Омске весь наш отряд сдался в плен. Чехи посадили нас в Омский концлагерь для военнопленных. В сентябре 1919 года военнопленные были переведены в Семипалатинский концлагерь. Бывшие военнопленные были освобождены после подавления колчаковщины»³⁴. Добровольно вступившие в Красную армию получали право на репатриацию, но только по истечении контракта³⁵.

Репатриация на родину: «за» и «против». Еще в период мировой, а затем и Гражданской войны стало очевидно, что репатриация – наиболее оптимальный путь решения вопроса пленных и беженцев. Вопросами обмена пленными и репатриацией российское правительство занималось уже с 1915 г. Окончание Первой мировой войны актуализировало вопросы возвращения. 25 января (7 февраля) 1918 г. большевики подписали соглашения с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией о возвращении на родину раненых и больных военнопленных³⁶. После заключения Брестского мира 3 марта 1918 г. в течение весны-лета 1918 г. были созданы Русско-Германская и Русско-Австрийская комиссии по обмену военнопленными. В апреле 1918 г. в составе Комиссариата по военным делам была учреждена Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж/ЦКПБ), сосредоточившая в своих руках всю деятельность по проблемам пленных и беженцев Первой мировой войны. В феврале 1920 г. в составе Наркомата внутренних дел было создано Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) НКВД РСФСР.

Есть данные, что с марта по май 1918 г. из России на родину вернулось полмиллиона бывших пленных Центральных держав. Вплоть до расторжения Брестского договора в ноябре 1918 г., который привел к временному прекращению репатриации, Россию покинули еще 400 тыс. пленных³⁷. Однако покинуть Туркестан и Сибирь удалось в 1918–1919 гг. немногим военнопленным: в 1919 г. репатриация как военнопленных, так и беженцев оказалась фактически свернута. Самой массовой акцией стала эвакуация чехов и словаков через Дальний Восток зимой 1919–1920 г.

Новая волна репатриации началась в 1920–1921 гг. Советское правительство заключило серию договоров об оптациях или возвращении и обмене военнопленных, беженцев, интернированных и заложников, а также подписало серию соглашений о репатриации. Предполагалось, что большинство иностранных военнопленных покинут пределы Советской России к концу лета 1922 г. Оценить численность уехавших в 1920–1922 гг. довольно сложно, поскольку нет общей статистики. Согласно официальным данным, в целом из СССР в течение 1922–1928 гг. выехало около 240 тыс. иностранцев³⁸.

Правительства принимающих государств пытались организовать отбор выезжающих. Так, например, Германское бюро по делам пленных и гражданских лиц издало специальную

³² Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР: в 2 т. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР: сб. док. М., 1968. С. 251.

³³ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1114. Л. 6.

³⁴ Там ж. Д. 3187. Л. 7.

³⁵ С.У. РСФСР, 1919. Ст. 30.

³⁶ Арзамаскин Ю. Заложники Первой мировой... С. 60.

³⁷ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 151.

³⁸ Моисеенко В. От подданства России к гражданству СССР // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 6. С. 77.

инструкцию, разъясняя порядок регистрации и отправки германских подданных³⁹. Основанием к выезду было наличие учетных документов, подтверждающих статус пленного, для гражданских – краткосрочные виды на жительство, выданные губисполкомами регионов проживания. Вскоре стало очевидно, что воспользоваться репатриацией в массовом порядке пытаются российские граждане. Данные о военнопленных и возможном их месте пребывания формировались из разных источников, например на основании запросов конкретных организаций, но чаще информация поступала от родственников. Так, например, Бюро получило от родственников информацию о германском военнопленном Фридрихе Штальберге, который в 1916 г. проживал в деревне в 150 верстах от г. Петропавловска и не имел средств для выезда на родину. Киргизское управление эвакуации провело регистрацию военнопленных осенью-зимой 1921 г., которых после этого вывозили из Акбулака, Актюбинска и Оренбурга. Формированием эшелонов с репатриантами занимались Центроэвак и его региональные отделения.

Одновременно с регистрацией немецких и австрийских военнопленных в регионе шла массовая регистрация поляков, репатриация которых началась с марта 1921 г. и должна была завершиться уже к ноябрю. Сроки регистрации были крайне жесткими, все списочные данные о численности возможных репатриантов-поляков по восточным регионам должны были поступить в Центроэвак не позднее 5 сентября 1921 г.⁴⁰ Списочные данные на военнопленных и беженцев значительно отличались. Списки первых включали, помимо персональных данных, данные о плене, звании, состоянии здоровья. У беженцев уточнялась национальность, фактическое место проживания на родине и в России, наличие документов, обосновывающих право на репатриацию. Киргизское управление эвакуации по данным на 23 декабря 1921 г. наметило к выезду 9 тыс. поляков из числа беженцев и 200 австро-германских военнопленных (из 326 зарегистрированных)⁴¹. Советская сторона поначалу гарантировала доставку пленных до границы, но с августа 1922 г. отъезд стал осуществляться за счет самих выезжающих.

В марте 1924 г. бывшим военнопленным Германии, Австрии, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Турции и Румынии, не выехавшим своевременно на родину, была предоставлена последняя такая возможность. Немецкая сторона в этих условиях смягчила требования к формальным основаниям для возвращения, установив с мая 1924 г. новые правила для реэвакуации. Все лица, не выехавшие в срок до мая 1924 г., считались «просрочившими сроки реэвакуации», вследствие чего региональные власти в СССР полностью прекратили прием заявлений от бывших военнопленных.

«Жениться на местной» и «найти себя в этой стране». Диллему «уехать или остаться» обуславливал комплекс причин. Одна из них – семья, так как брак стал одним из основных способов интеграции пленных. Российские власти (Временное правительство Керенского, а затем Омское правительство Колчака) пошли на разрешение браков с иностранцами из числа пленных славян для улучшения положения последних. Например, Комиссия по делам военнопленных в Туркестанском военном округе своим решением от 22 июня 1917 г. разрешала военнопленным вступать в подданство России и заключать браки с российскими женщинами⁴². Первый кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, введенный в действие на территории РСФСР в октябре 1918 г., возможность заключения брака с иностранцами не предусматривал вообще, однако в новом кодексе 1923 г. возможность таких браков появилась, включая изменение гражданства мужа или жены⁴³. Иностранные консульства широко практиковали

³⁹ ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 302. Л. 29–41.

⁴⁰ Козин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России. 1919–1922 // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4 (106). С. 31.

⁴¹ ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 302. Л. 37, 60, 73.

⁴² Дорошенко Т.И. Положение польских военнопленных и беженцев в Туркестане в 1914–1923 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 3. С. 21.

⁴³ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. С. 106.

регистрацию национальных браков, однако на территории СССР интернациональные браки признавались действительными только в случае регистрации советскими ЗАГСами. Регистрацию в последних могло осложнить отсутствие документов советского образца.

Анализ анкет бывших военнопленных, отложившихся в архивно-следственных делах, показывает, что их дети родились в период 1916–1937 гг. Обращает на себя внимание и разница в возрасте между супругами: в среднем она составляла 10–11 лет, при этом максимальная – 22 года, что свидетельствует о послевоенном половозрастном дисбалансе. Война сократила число мужчин, увеличив количество вдов, и военнопленные были завидными женихами, готовыми воспитывать и чужих детей. Так, военнопленный Адам Левицкий женился на женщине с пятью детьми, и после ареста в 1937 г. его приемные дети просили наркома НКВД Ежова освободить отца: «когда белобандиты убили отца, Левицкий Адам воспитал нас как дочерей и сынов, преданных Советскому Союзу... в голодные годы спас нас от смерти»⁴⁴.

В повседневной жизни интернациональные пары зачастую не имели особых стимулов для регистрации своих отношений. Официальный брак был необходим лишь при выезде из страны, поскольку советское правительство разрешало эмиграцию членов семей бывших военнопленных. Соглашения РСФСР с Веймарской республикой оговаривали возможность выезда жены, в том числе самостоятельного, после реэвакуации мужа⁴⁵. Зафиксированы случаи фиктивных браков с иностранцами с целью эмиграции.

Что касается возвращения в Советский Союз после репатриации, то причины могли быть самыми разными – как личными, так и экономическими. Так, чешский военнопленный Ю. Немец воспользовался правом на репатриацию, при этом смог вывезти русскую жену, но вскоре вернулся. В анкете он объяснял: «летом 1921 г. выехал на родину вместе с семьей в Чехословакию, село Врачевце, где жил до сентября 1921 г. Вернулся в СССР по желанию своей жены Стариковой Зинаиды Леонидовны, на которой я женился в Семипалатинске в 1918 г.»⁴⁶. Вот еще одна аналогичная история: «Находясь в России в плену в 1919 г., я женился в гор. Омске на гражданке Волосенко Юлии... В начале 1920 г. в январе или в феврале я выехал на родину в Германию в город Мангейм, где работал на заводе. В начале 1922 г. в Германии было объявление: кто был в России в плену и имеет желание поехать обратно, тот может беспрепятственно выехать... Когда переехал в Германию, то жена все время сбивала меня, чтобы поехать обратно в Россию, и когда было разрешено выехать в Россию, то в апреле 1922 г. я возвратился... Прибыл я в 1922 г. по временной визе, по которой я был обязан через полгода вернуться за границу как иностранный подданный»⁴⁷.

На родине у военнопленного оставались родители, а иногда даже первая семья. Даже спустя 10–15 лет некоторые бывшие военнопленные и их русские жены были готовы отказаться от советского гражданства и уехать из страны. Например, поляк М. Камарницкий «очень ратовал за воссоединение с семьей, и его жена была готова отказаться от советского гражданства, как и он сам, ради выезда на родину»⁴⁸. Переписка существовала, но еще со времен плена практиковалась перлюстрация писем военнопленных. Разделенные войной родственники делились новостями, иногда с очень большим запозданием. Так, в одном из писем 1927 г., написанном по-немецки, родители писали в СССР своему сыну И. Рейнеру, в котором сообщали, что от ведомства канцлера имеют информацию о том, что он обращался в австрийское посольство в Москве с просьбой помочь в выезде из СССР. Родители были рады, что сын женился на русской женщине, и очень хотели бы, чтобы они приехали, потому что их жизнь очень тяжела, они не могут уже работать в силу возраста и болезни.

Помимо обстоятельств семейного характера, многие военнопленные оставались в СССР по экономическим причинам. Для многих возвращение стало слишком дорогим, да и в России они уже прожили много лет, пропустив сроки репатриации. Новая экономиче-

⁴⁴ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2843. Л. 29–30.

⁴⁵ ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 302. Л. 29–41.

⁴⁶ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Д. 419. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Д. 2428. Л. 12.

ская политика открыла широкие возможности для предпринимательства, а последовавшая индустриализация стимулировала занятость. Многие военнопленные смогли интегрироваться и найти для себя экономические ниши. В этой связи показательна судьба С. Кестенблата, до войны работавшего развозным посредником крупной австрийской фирмы, который уже с 1916 г., находясь в плену на Урале, имел оплачиваемую работу (рабочий, мелкослужащий, чаще счетовод). В 1920-е гг. он жил и работал в Екатеринбурге, Одессе, Ростове. На «Ростсельмаше» служил торговым представителем, а также переводчиком. В 1928 г. в качестве последнего был прикреплен к германскому специалисту М. Гоферу, в 1931 г. – к инженеру Карют. В своей анкете он пишет: «В 1933 из Ростсельмаша я перешел работать в управление Северо-Кавказской железной дороги, где по рекомендации иностранного специалиста Бира получил назначение в качестве бухгалтера на строительство санатория в местечке Хоста около Сочи. Затем вместе с Биром получил назначение на Турксиб, где после отъезда инженера работал бухгалтером. В 1935 г. завербовался на начинающуюся стройку Балхашстрой, а оттуда в 1937 г. выехал в Караганду, где работал на шахте плановиком. В этом же году переехал в Семипалатинск, где работал в качестве педагога немецкого языка, потом работал бухгалтером Гордорстроя, а по совместительству преподавал немецкий язык в школе»⁴⁹. Данный пример весьма красноречиво иллюстрирует профессиональную и территориальную мобильность таких людей, зависимость их карьеры и возможностей от политической и экономической конъюнктуры в стране.

Остаться иностранцем или стать советским. Советская власть очень быстро сформировала институт национального гражданства. Декларируя равенство граждан и иностранцев, делались настойчивые попытки интегрировать и натурализовать последних. Первые Конституции – РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. – давали широкие возможности для натурализации иностранцев, в частности, власти гарантировали получение советского гражданства бывшим военнопленным, особенно служившим в Красной армии. Однако многие иностранцы предпочли сохранить национальное гражданство, технически возможность подтверждения и пролонгации иностранного гражданства существовала в силу деятельности в СССР консульских учреждений. Наличие действующего национального паспорта позволяло, согласно советскому закону о гражданстве 1924 г., получить либо вид на жительство иностранца, либо вид на жительство лица, заявляющего о принадлежности к иностранному гражданству. Иностранцы, не подтвердившие иногражданство и не заявившие о таковом, автоматически признавались советскими гражданами. В личном деле И. Рейнера сохранилось заявление от мая 1928 г. в Семипалатинский губернский административный отдел: «Прилагаю при сем национальный паспорт, выданный Австрийским консульством в Москве 19 ноября 1927 г. № 21 4859/690 и сообщая о себе на обороте требующиеся сведения, прошу Вас выдать мне установленный вид на жительство в пределах СССР». Бывший австрийский военнопленный В. Лобяк, оценивая свой национально-гражданский статус, указал, что гражданство СССР получил согласно постановлению от 1927 г. как не оформивший польское гражданство⁵⁰.

Принцип признания иностранца, не имеющего вида на жительство, гражданином СССР сохранялся до начала 1930-х гг. Уже упоминавшийся выше бывший военнопленный венгерской армии С. Кестенблат указывал, что до 1918 г. был Шимоном, но по совету жены взял немецкое имя Сигизмунд (Зигмунт). «До 1928 г. считал себя германским подданным, хотя никаких документов не имел. С 1918 по 1928 г. пытался получить немецкое гражданство. В 1918 г. как уроженец Львова и военнопленный, я обращался в польское консульство в гор. Екатеринбурге с просьбой признать за мной польское гражданство. Но мне отказали в выдаче польского паспорта. В 1923 г. ввиду того, что я не имел документов, обратился в губисполком о признании за мной советского гражданства, но получил отказ и предложение получить вид на жительство как иностранец или покинуть пределы СССР. Я решил получить вид на жительство. В 1927 году, имея на руках вид на жительство,

⁴⁹ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2896. Л. 10–17.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1166. Л. 1.

я обратился в немецкое консульство в Москве как германский подданный, меня выслушали, но гражданство не признали. Я вновь обратился в немецкое консульство, обращался дважды в Одессе, но получил отказ. И тогда в 1928 г. подал заявление в Вятский губисполком о признании за мной подданства СССР»⁵¹.

В 1920–1930-е гг. в стране периодически проходили кампании по регистрации иностранцев и лиц без гражданства, в значительной степени с целью стимулировать процесс натурализации. Начавшаяся в 1932–1933 гг. в СССР паспортизация стала первым шагом, направленным на формирование системы учета населения, в том числе тотального учета проживающих в стране иностранцев. В 1934 г. в структуре НКВД создается Отдел виз и регистрации (ОВИР). В режимных зонах – индустриальных регионах и зоне границы, а также в крупных городах, затронутых паспортизацией, действовала норма, согласно которой «бывшие военнопленные, не оформившие вид на жительство, рассматривались наравне с гражданами СССР», что требовало от них оформления советского гражданства⁵². Например, А. Томаш, не подававший ранее документов на советское гражданство, в ходе паспортизации в г. Омске смог получить советский паспорт, при этом якобы скрыв факт наличия иностранного паспорта⁵³.

В условиях начавшейся перерегистрации иностранцы массово обращались в консульства, однако советские власти запретили последним осуществлять выдачу национальных паспортов и пролонгацию гражданства. Запрет был снят только осенью 1936 г., но вскоре последовала новая кампания, сопровождавшаяся массовым закрытием консульств. В ходе паспортизации некоторые иностранцы стремились получить советские документы, что давало право на проживание. Так, П. Стромицкий, проживая в 1933 г. в Усть-Каменогорске, оформил гражданство СССР, так и не получив разрешения на выезд из СССР⁵⁴. Уроженец Галиции М. Камарницкий в период паспортизации пытался получить разрешение на выезд, воодушевленный «примером других военнопленных, проживавших до 1933 г. в СССР и все-таки уехавших в Польшу»⁵⁵. Показательна история австрийского военнопленного С. Маркевича: «До 1934 г. проживал в СССР по справке Семипалатинского ГубЭвака от 1921 г. Польский паспорт получил в 1934 г. в польском консульстве в Москве. Пытался три раза выехать в Польшу, но не удавалось потому, что два раза опоздал с талоном, а в третий раз в 1934 г. меня вернули, т.е. не пропустили на ст. Юго-Западной желдороги, т.к. у меня не было разрешения на выезд из СССР и на въезд в Польшу. Я полагал, что метрическая выписка, имевшаяся у меня, как документ достаточна. Вернувшись с погранполосы, я вновь поехал в консульство в Москву на третью улицу Мещанская дом 32–34. В консульстве пытался возбудить ходатайство о выезде из СССР. В консульстве мне ответили, что когда они дадут паспорт, как польскому подданному, тогда разрешат выезд. А чтобы получить паспорт, я должен был получить справку от РИКа по месту жительства о том, что я советского гражданства не принимал и ходатайство не возбуждал, такую справку я получил в 1934 г., заполнил анкеты и отправил в польское консульство, оттуда почтой мне выслали паспорт. После получения паспорта, я ходатайствовал перед польским консульством и НКВД о возврате мне конфискованного у меня имущества в Усть-Каменогорске, как у кулака. У меня не было средств выехать»⁵⁶.

Жертвы Большого террора. Положение иностранцев СССР резко начало меняться с середины 1930-х гг. Накануне массовых операций НКВД в СССР практиковалось аннулирование советских видов на жительство. Летом 1937 г. НКВД принял особый циркуляр «Об иностранцах», предписывающий начать общесоюзную кампанию по массовому отказу в продлении советских видов на жительство для иностранцев. СССР превращался в закрытую страну, где иностранцы и бывшие иноподданные стали объектом пристального

⁵¹ СГА ДП ВКО. Ф.19. Оп. 2. Д. 2896. Л. 15.

⁵² Мотревич В.П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных... С. 83–91.

⁵³ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 419.

⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1329.

⁵⁵ Там же. Д. 2428. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Д. 3339. Л. 34–35.

внимания, а потом и репрессий. Одной из характерных черт советского общества второй половины 1930-х гг. стала тотальная и где-то даже истеричная шпиономания. В конце лета 1937 г. в стране начались массовые репрессии, которые прошли в рамках реализации НКВД «кулацкой» и серии «национальных» операций, санкционированных высшей партийной властью, целью которых стали не только собственно иностранцы, но и бывшие иноподданные, получившие советское гражданство. Этничность не была прямым основанием для преследований, но репрессии не обошли национальные меньшинства и диаспоры. По всей стране прошли аресты иностранцев, лиц с двойным гражданством и апатридов. Они коснулись не только бывших иностранных военнопленных, но также иностранных специалистов, рабочих и аграрных переселенцев, перебежчиков, политэмигрантов, реэмигрантов и административно-ссылных.

Статус «бывший военнопленный» стал репрессивным маркером. В вину военнопленным чаще всего ставили якобы имевший место шпионаж в пользу западноевропейских государств и так называемые «консульские связи». На северо-востоке Казахстана почти половину военнопленных репрессировали в рамках «польской» операции, а четверть – по «немецкой». В остальных смогли «распознать» английских и даже китайских и японских шпионов. Несколько бывших военнопленных, проживавших в г. Риддер, оказались фигурантами сфабрикованного в марте 1938 г. УНКВД Семипалатинской области дела о шпионско-диверсионной организации на предприятии «Алтайполиметалл». Подавляющее большинство бывших военнопленных, осужденных в годы Большого террора, были расстреляны. Для этих людей, прошедших войну и плен, приложивших большие усилия, чтобы встроиться в советское общество, выбор в пользу проживания в СССР оказался в итоге роковой ошибкой. «Бывшие военнопленные» стали жертвами советских политических репрессий на основании того, что являлись подучетной и стигматизированной группой, которая рассматривалась властью как потенциально нелояльная.

Заключение. Для большинства военнопленных адаптационный период совпал с переходом Советской России/СССР от войны к миру. Выбор жизненной стратегии определялся решением уехать на историческую родину или остаться в России. Затянувшиеся миграционные ожидания, в том числе и неудачный опыт репатриации, повлияли на решение многих бывших военнопленных остаться на новой родине навсегда. Но спустя еще десятилетие такое решение стало восприниматься многими из них как ошибка, вследствие чего были предприняты отчаянные попытки уехать из СССР. Но в какой-то момент пришло осознание, что «уехать уже нельзя». Распространенной жизненной стратегией стало стремление сохранить иностранное гражданство, но при этом попытаться затеряться в большой стране, что привело к высокой мобильности и частой смене места жительства.

Истории иностранцев в Советской России – это и разочарование, и надежды. Интернационализм и социалистические идеи вкупе с востребованностью квалифицированных и образованных людей порождали иллюзии и ожидания, но иностранцы, в частности бывшие военнопленные, вскоре стали удобной мишенью, по отношению к которым очень легко было сформировать образ врага.

Литература

Арзамаскин Ю. Заложники Первой мировой: из истории репатриации иностранных военнопленных // Военный академический журнал. 2014. № 2. С. 59–64.

Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР: в 2 т. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР: сб. док. / сост. А.А. Ходак, Л.М. Чинова, А. Йожа и др. М.: Политиздат, 1968. 515 с.

Дорошенко Б.К. Положение военнопленных в Туркестане в годы Первой Мировой войны // Вестник науки и образования. 2021. № 10-1 (113). С. 20–28.

Дулатов Б.К. Вопросы репатриации бывших граждан Австро-Венгерской империи в 1920-е годы // *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24, № 5. С. 148–161.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1921 гг. // *Вопросы истории*. 2022. № 12 (4). С. 162–180.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // *Новейшая история России*. 2021. № 11 (1). С. 72–88.

Мендикулова Г., Надежук Г. Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (Case study) // *Вестник архивиста*. 2018. № 4. С. 996–1008.

Моисеенко В. От подданства России к гражданству СССР // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14, № 6. С. 77.

Мотревич В.П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных Первой мировой войны (по материалам архивно-следственных дел ГААСО) // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2019. № 3. С. 83–91.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.

Островский Л.К. Польские военнопленные в Сибири (1904–1920) // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 316. С. 88.

Сенявская Е.С. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // *Вестник РУДН. Сер.: История*. 2009. № 4. С. 111–127.

Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 550 с.

Сыдыков Е.Б., Айтмагамбетов Д.Р., Жанбосинова А.С., Сайлаубай Е.Е. Повседневность военнопленных Первой мировой войны в условиях Азиатской России // *Bulye Gody*. 2022. № 17 (1). С. 503–514.

Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. 184 с.

Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. М.: Терра, 1991. 184 с.

Leidinger H., Moritz V. *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920*. Wien: Böhlau Verlag/Wien, 2003. 754 s.

References

Arzamaskin, Yu. (2014). *Zalozhniki Pervoy mirovoy: iz istorii repatriatsii inostrannykh voyennoplennykh* [Hostages of the First World War: From the History of the Repatriation of Foreign Prisoners of War]. In *Voennyi akademicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 59–64.

Doroshenko, B.K. (2021). *Polozheniye voennoplennykh v Turkestane v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Situation of Prisoners of War in Turkestan during the First World War]. In *Vestnik nauki i obrazovaniya*. No. 10-1 (113), pp. 20–28.

Dulatov, B.K. (2019). *Voprosy repatriatsii byvshikh grazhdan Avstro-Vengerskoy imperii v 1920-e gody* [Issues of Repatriation of Former Citizens of the Austro-Hungarian Empire in the 1920s]. In *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. Vol. 24, No. 5, pp. 148–161.

Felshtinskiy, Yu. (1988). *K istorii nashey zakrytosti. Zakonodatel'nye osnovy sovetskoy immigratsionnoy i emigratsionnoy politiki* [On the History of Our Closedness. Legislative Bases of the Soviet Immigration and Emigration Policy]. London, Overseas Publications Interchange Ltd. 184 p.

Felshtinskiy, Yu. (1991). *K istorii nashey zakrytosti* [On the History of Our Closedness]. Moscow, Terra. 184 p.

Khodak, A.A., Chizheva, L.M., Yozha, A. et al. (Comp.). (1968). *Vengerskie internatsionalisty v Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v SSSR. V 2 t. T. 2. Uchastie vengerskikh internatsionalistov v zashchite sovetskoj vlasti na frontakh Grazhdanskoy vojny v SSSR: Sb. dok.* [Hungarian Internationalists in the October Revolution and the Civil War in the USSR. In 2 vols. Vol. 2. Participation of Hungarian Internationalists in the Defense of Soviet Power on the Fronts of the Civil War in the USSR: Collection of documents]. Moscow, Politizdat. 515 p.

Kodin, Ye.V., Rodionov, I.I. (2021). Repatriatsiya pol'skikh voyennoplennykh iz lagerey Tsentral'noy Rossii (1921–1922) [Repatriation of Polish Prisoners of War from the Camps of Central Russia (1921–1922)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 11 (1), pp. 72–88.

Kodin, Ye.V., Rodionov, I.I. (2022). Pol'skie voennoplennye v lageryakh Tsentral'noy Rossii, 1919–1921 gg. [Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1921]. In *Voprosy istorii*. No. 12 (4), pp. 162–180.

Leidinger, H., Moritz, V. (2003). *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920*. Wien, Böhlau Verlag/Wien. 754 s.

Mendikulova, G., Nadezhuk, G. (2018). Arkhivnye dokumenty o evropeyskikh voennoplennykh Pervoy mirovoy vojny v Semirechenskoy oblasti Turkestanskogo general-gubernatorstva (Case study) [Archival Documents on European Prisoners of War of the First World War in the Semirechye Region of the Turkestan Governorate-General (Case Study)]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 996–1008.

Moiseenko, V. (2019). Ot poddanstva Rossii k grazhdanstvu SSSR [From Russian Citizenship to USSR Citizenship]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. Vol. 14, No. 6, pp. 58–92.

Motrevich, V.P. (2019). Sud'by ostavshikhsya v sssr voyennoplennykh pervoy mirovoy vojny (po materialam arkhivno-sledstvennykh del gaaoso) [the fates of prisoners of war of the first world war who remained in the ussr (based on materials from archival and investigative cases of the GAAOSO)]. In *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*. No. 3, pp. 83–91.

Nakhtigal, R. (2014). *Murmanskaya zheleznaya doroga (1915–1919 gody): voennaya neobkhodimost' i ekonomicheskie soobrazheniya* [Murmansk Railway (1915–1919): Military Necessity and Economic Considerations]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 320 p.

Nakhtigal, R. (2014). Voennoplennye v Rossii v epokhu Pervoy mirovoy vojny [Prisoners of War in Russia during the First World War]. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 142–156.

Ostrovskiy, L.K. (2008). Pol'skie voennoplennye v Sibiri (1904–1920) [Polish Prisoners of War in Siberia (1904–1920)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 316, pp. 88–92.

Shchadt, V. (2022). Pereselencheskoe dvizhenie nemetskogo krest'yanstva v Kazakhstane [Resettlement Movement of the German Peasantry in Kazakhstan]. In *Vostochnyy arkhiv*. No. 2 (46), pp. 77–84.

Sinyavskaya, Ye.S. (2009). Narody Avstro-Vengrii v Pervoy mirovoy voyne glazami russkogo protivnika [The Peoples of Austria-Hungary in the First World War Through the Eyes of the Russian Enemy]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya*. No. 4, pp. 111–127.

Surzhikova, N.V. (2014). Voenny plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.) [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)]. Moscow, ROSSPEN. 550 p.

Surzhikova, N.V. (2015). Voenny plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.) [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Yekaterinburg. 550 p.

Sydykov, Ye.B., Aytmagambetov, D.R., Zhanbosinova, A.S., Saylaubay, E.E. (2022). Povsednevnost' voennoplennykh Pervoy mirovoy vojny v usloviyakh Aziatskoy Rossii [Everyday life of Prisoners of War of the First World War in the Conditions of Asian Russia]. In *Bylye Gody*. No. 17 (1), pp. 503–514.